

После встречи с читателями города Рыльска Курской области. 2010 г.

щения Руси прибыли из Болгарии монахи с десницей Ивана Рильского. На горе, где стоял Рыльский кремль, они построили часовенку и выкопали себе пещерки. И это из нашего Курска пришел в Киев преподобный Феодосий – один из основателей Киево-Печерской лавры, инициатор ее первого устава. Именно рыльские охотники обрели в корнях дерева чудотворную икону Божией Матери, исцелившую курского отрока, будущего преподобного старца и затворника Серафима Саровского, и скрепившую в духовном единстве наших изгнанных после революции за рубеж соотечественников. И это в наш Рыльск примчался Петр I сразу после Полтавской битвы, чтобы просить у местных купцов денег на флот.

Можно ли не гордиться столь очевидной причастностью моей родной Отчизны к истории России?

– Ваши любимые поэт, прозаик...

– У меня дома огромная библиотека произведений поэтов и прозаиков, которых люблю. Всегда чудом среди чудес кажется мне всё написанное Пушкиным. И только сам Бог мог вдохнуть Лермонтову эти строки: «Выхожу один я на дорогу...», а Рубцову – «В горнице моей светло...».

Точно такой магией обладает проза Гоголя, Бунина, Чехова, до сих пор Евгения Носова не могу оценить беспристрастно как художника, поскольку очень уж всё в его прозе для меня предельно близкое и родное. Еще

открыл для себя самобытный талант курского прозаика Михаила Еськова. Все, кому в Москве даю почитать его книги, ставят Михаила Николаевича в один ряд с самыми крупными современными прозаиками. Сам не могу судить о его творчестве, потому что, как и Носова, просто люблю.

– Ваш учитель, наставник, идеал...

– У меня было много учителей и наставников. Я вообще охотно учусь. Признаться, может, и странно прозвучит, но моим наставником и учителем был и собственный восторг. Например, от восторга перед «Антоновскими яблоками» и «Деревней» Бунина, перед прозой Гоголя я начал писать прозу. И если в жизни мне пришлось много чем иным заниматься, то только потому, что кто-то это делал так «вкусно», что у меня руки дрожали от нетерпеливого желания самому попробовать.

С ранней юности восхищаюсь такими личностями, как Сократ, которые не только знали, как надо жить, но и то, во имя чего можно умереть. В этом высоком контексте вспоминаю и своего земляка Георгия Васильевича Свиридова. Как творческая личность, как гражданин и как человек он был подчинен самым высоким смыслам. Поэтому даже книга его дневников

имеет для меня не меньшую духовную значимость, чем его музыка.

От многого меня уберег, много лишнего от меня отсекал оставшийся в памяти с детства голос отца, по вечерам читающего нам вслух Евангелие.

– Вы и политика...

– Не люблю политику, сторонюсь её. Но, как летом от комаров, никуда не денешься от нее. Скажем, творится у вас на глазах что-то несправедливое, вам неохота встречать, но на вас кто-то с надеждой поглядывает, и уже неловко сидеть сложа руки. Чем жизнь отвратительнее, тем больше политики.

– Кто импонирует вам из музыкального мира?

– В молодости, когда сил было в избытке, любил терзать себя симфониями Чайковского или чем-то таким трагическим, как «Реквием» Моцарта или «Аида» Верди. Затем в моей фонотеке появились грандиознейшие оперы Бородина, Мусоргского и Римского-Корсакова. Потом заслушивался Прокофьевым, Свиридовым. Через Свиридова открыл для себя хоровые шедевры Юрлова и Минина. Сейчас тянусь к музыке более спокойной, умиротворенной, но хочется иногда и «обжечься» Шестой симфонией Чайковского или «Хованщиной» Мусоргского.

До сих пор люблю оказаться в компании, способной грянуть казачьи или фронтовые песни. Сам-то я умею петь не отличаюсь, но когда другие поют, то вместе со всеми и у меня получается.

Любимая песня – «Не для меня придет весна...», ценю наши русские басы: Шаляпина, Пирогова, Михайлова, Штоклова. Был в восторге от концертов Государственного оркестра народных инструментов, когда им руководил

